

*Посвящается Чарли, Анни и Тому
Вы для меня — всё.*

Глава первая

Ненависть — живое существо, семя, которое растят и поливают. Если как следует о ней заботиться, она растёт и цветёт. В подходящих условиях она действует как инвазивный вид — побеждает в борьбе за первенство, вытесняет другие растения, перекрывает им солнечный свет и кислород.

Обрекает их на голод.

Пока они не умрут.

Думаю, моя ненависть, за которой тщательно ухаживали, подпитывалась, когда в моей голове снова и снова прокручивался этот момент. Рука, держащая пистолет, словно оторвана от моего мозга. Ненависть овладевает мной.

Контролирует меня.

Я смотрю на двух человек, надёжно привязанных к стульям. Иронично, но, хотя сейчас моя ненависть особенно сильна, я ощущаю странную отстранённость.

Мужчина дергает веревки, но они не поддаются. Я знаю, как завязать чёртов узел. Его губы дрожат. Он пытается показать, что спокоен, но у него не получается. На его верхней губе выступили капельки пота, широко раскрытые

глаза выдают ужас. Старуха, его мать, неподвижна. Она слишком слаба, чтобы сопротивляться. Её конец близок, и она это знает. Она умнее.

Концентрируюсь на нём. В конце концов, ведь именно из-за него я здесь.

Он открывает рот, но издает только хрип. Паника сжимает ему горло. Я хорошо знаю это чувство.

Он тяжело сглатывает и говорит — слишком громко, чтобы заглушить свой страх:

— Не делай этого. Ты пожалеешь.

Да ну?

Сожаление — забавная эмоция. По определению, её нельзя испытать, пока не совершишь того, что совершаешь. Так кто может знать, пожалею я или нет?

То, что я делаю, неправильно. Я знаю. Я наслаждаюсь его страхом куда больше, чем следовало бы. Я вдыхаю его, как запах блюда, которое готовилось несколько дней, и наконец пришло время его съесть. Предвкушение разжигает мой аппетит и усиливает голод. Нажав спусковой крючок, я наконец-то смогу насытиться. В глубине души я подозреваю, что именно это поможет мне снова обрести целостность. Я наклоняю голову.

— Не думаю.

Старуха, привязанная к стулу рядом с ним, скулит. Слезы текут по её щекам. Она слишком много времени провела на солнце. Ее кожа сморщена, как бумажный пакет, и покрыта пятнами. Хотя моя главная цель — не она, всё же и её нельзя назвать невинной жертвой. Она сама сделала выбор. Она родила и воспитала чудовище. Она позволила ему совершать такие поступки. Она знает, какой он. Всегда знала, даже если предпочитала закрывать глаза. Виновата ли она в этом? Безусловная любовь естественна для матери, но должны быть пределы и у безусловной любви.

Нужно уметь любить таких людей, понимая при этом ущерб, который они наносят другим.

Наверное, следует чувствовать к ней какую-то жалость. Ведь это он поставил её в трудное положение. Но нет, всё моё тело заполняет лишь приятная пустота, моё сердце — как мёртвое дерево.

— Ты можешь уйти, и мы никому ничего не скажем, — умоляет он.

Надо было заткнуть ему рот. Не хочу с ним разговаривать. Или хочу? Мне не нужно объяснять ему свои действия. Он знает, как мы сюда попали. Он знает, что виноват. Но, может быть, мне следовало больше упиваться его болью. Ведь упивался же он моей?

А как же.

Он такой человек. За свою жизнь он вынудил страдать многих. Сукин сын. Мучитель. Абыюзер.

В голову лезет новая мысль. Может быть, он паразит, который питается страданиями других, как растение поглощает солнечный свет. Он инвазивная лиана, которую нужно вырвать с корнем. Как ядовитый плющ, он и тогда причинит боль, но это нужно сделать.

Он облизывает губы.

— Ты не знаешь, что делаешь. Не знаешь, что значит убить человека. Это убьёт и тебя.

— Ничего, скоро узнаю, — по моему телу проносится волна удовольствия. Ситуация наконец изменилась в мою пользу.

— Каково это, быть беспомощным? Знать, что ты умрешь?

Он сжимает рот, и его лицо становится бледным, как лёд.

Старуха вскрикивает и внезапно начинает бормотать молитву. Она повторяет слова снова и снова. Они действуют мне на нервы и разжигают мою ненависть.

Бог не ответил на мои молитвы. Он позволил мне страдать. Как она смеет просить Его вмешательства сейчас, когда наконец расплачивается за свои грехи? Я навожу на нее пистолет.

— Замолчи.

Но она бубнит и стонет. Меня охватывает ярость, и слова вырываются наружу.

— Я тут бог!

Я уже не могу сдерживать себя и даже не пытаюсь. Я прижимаю пистолет к её голове и давлю на курок. Она тут же глохнет. Ее смерть так быстра, так внезапна, что почти разочаровывает. Но её смерть — не главное.

Он вздрагивает; шок сглаживает все эмоции с его лица. Его взгляд переключается с матери на меня. Он открывает и вновь закрывает рот. Он должен кричать. Должен быть вне себя от горя и боли. Но нет, он просчитывает свой следующий ход. Сукин сын. Сила наполняет меня. Пришло время мести.

Я отступаю назад и успокаиваюсь, откидываю прядь волос со лба.

— Ты думал я шучу?

Он ничего не отвечает. Он поворачивает голову и смотрит на мать. Я впитываю детали. Его лицо становится маской неверия и ужаса. Но я не знаю, не постановка ли это. Как бы то ни было, я хочу большего. Я хочу возмездия за свои страдания. Гнев проносится по моей коже, как колония огненных муравьёв. Он должен мне ответить, черт возьми.

— Отвечай! — кричу я.

Когда он всё-таки не отвечает, я прицеливаюсь в его коленную чашечку и стреляю. Пистолет дергается в моей руке. Брызги крови. Его тело содрогается, и он кричит. С силой тянет завязки на запястьях. Стул шатается. Он мог

бы опрокинуть его, если бы продолжал попытки, но это его не освободит. Узлы завязаны крепко. Он никуда не денется.

Я стреляю ему в другое колено. Он снова кричит, громко, дико и беспомощно. Воздух наполняется запахом пороха и крови.

— А теперь веришь?

Он стонет. Слезы и сопли текут по его лицу. Вопли становятся дикими. Ты можешь истечь кровью, думаю я, но это займет много времени.

Я хочу, чтобы он страдал. Хочу смотреть, как он умирает. Но я не могу позволить себе оставаться здесь слишком долго. Ферма изолирована, но почта и посылки доставляются сюда регулярно. У них могут быть любопытные соседи.

Я не могу рисковать попасться. Я не буду портить остаток своей жизни. Он и так отнял у меня слишком много времени. Я заслуживаю будущего. Кроме того, я не хочу, чтобы меня заставляли убивать по-настоящему невиновных. Мне нужно покончить с этим поскорее, пока нас не обнаружили. Я навожу пистолет на его плечо и делаю ещё один выстрел.

Его тело снова дёргается, но на этот раз непроизвольно. Он слишком слаб, чтобы дёргаться по собственному желанию. Его голова болтается. Кровь хлещет из ран, пятнает одежду, стекается в лужи под стулом. Звуки, которые он издаёт, уже не имеют ничего общего с человеческими. Он опустился до состояния животного, и это из-за меня. Мысль не приносит мне ничего, кроме удовлетворения.

Я — воплощённое зло?

Может быть.

Я приближаюсь, смотрю ему прямо в лицо.

— Тебе жаль?

Я вижу ответ в его глазах ещё до того, как он кивает. Он сдался. Это моя победа. Но мне нужно услышать его признание.

— Скажи это! — кричу я.

— Мне жаль, — хрипит он едва слышно. Это окончательный ответ.

Я наклоняюсь близко к его уху.

— Значит, это *ты* пожалел о том, что сделал.

Я выпрямляюсь. Его глаза закатываются. Он теряет сознание от боли и потери крови. Я снова поднимаю пистолет и сильно прижимаю к его лбу. Его веки трепещут. Наши взгляды встречаются. Он знает, что победа за мной. Я предельно концентрируюсь на моменте. Я хочу запомнить каждую деталь. Его убийство должно быть преднамеренным, и он должен знать, что это произойдёт.

Смотря ему прямо в глаза, я нажимаю на курок.

По сравнению с другими кадрами этот кажется замедленным. Я вижу, как свет гаснет в его глазах. Его тело мгновенно обмякает. В комнате повисает тишина. Я слышу, как тикают старые часы на стене, как позванивает секундная стрелка. Всё, что я чувствую — почти абсолютное блаженство. Но я не могу тратить время на то, чтобы целиком в него погрузиться.

Я отворачиваюсь и выхожу из дома, запираю и закрываю дверь. Какое-то время стою на крыльце. Все ощущается иначе. Ночной воздух — приятно прохладный и влажный. Небо — чистое, на его чернильно-чёрном фоне сияют яркие точки звёзд.

Я перерождаюсь. У меня впереди целая жизнь. Благодаря его смерти я могу забыть об ужасах прошлого и двигаться дальше.

Как ни странно, я не чувствую сожаления.

Только облегчение.

Против нее

Но даже когда я говорю себе, что все наконец кончено, меня мучают противоречия. Я снимаю перчатки. Я знаю всё о мерах предосторожности. Я знаю, что нельзя оставлять отпечатки. На секунду я думаю, не оставить ли здесь орудие убийства, ведь это его пистолет. Но нет, я кладу его в карман вместе со скомканными перчатками. Я не буду рисковать.

Мало ли. Вдруг это не конец моих бед, а начало.

Глава вторая

Шериф Бри Таггерт свернула в изрытый колеями переулочек и остановила машину перед старым фермерским домом. Сосед вызвал её для проверки самочувствия*. Оценив недвижимость через лобовое стекло, Бри поняла, почему. Пейзаж был тот ещё — заросшие сорняками пастбища и ветхие постройки. Опоры крыльца наклонились вправо, как будто беспощадные ветра за сотни лет всё-таки заставили их подчиниться. Даже вокруг дома трава была давно не кошена, а за его пределами доходила до пояса. Бри по рации сообщила диспетчеру, что прибыла на место происшествия.

— Шериф Таггерт, код одиннадцать.

Бри выбралась из машины. Дом стоял на небольшом возвышении, откуда открывался приличный вид на ферму. Вблизи постройки выглядели ещё хуже. Кто-то явно пытался — но по большей части безуспешно — навести здесь порядок. Облупившаяся краска, отбитая черепица и сломанные доски забора — всё давало понять, что дом был

* Термин, обозначающий практику обращаться в полицию, чтобы выяснить, всё ли в порядке с человеком, долгое время не выходящим на связь.

старым, давно обживался и плохо обслуживался. Кажется, когда-то он был белым, но теперь стал унылого тускло-серого цвета.

За домом стоял большой сарай, кое-где сохранивший неясные следы тёмно-красной краски. Ограждение вокруг двух больших пастбищ по большей части было порушено, но зато небольшой газон рядом с амбаром был недавно выкошен. По грязному участку у ворот бродило штук шесть коз. Бри мало что знала о козах, но животные казались беспокойными. Куры тоже гуляли, где хотели. Она заметила, как к сараю крадутся несколько кошек.

Что-то здесь было не так. Она чувствовала это — какое-то странное, витающее в воздухе противоречие между взбудораженными козами и клюющими цыплятами. Согласно налоговым и автомобильным записям, Камилла Браун, семидесяти лет, владела недвижимостью и проживала здесь, но единственными признаками жизни были эти самые козы, куры и кошки. Здесь было так же пусто, как на заброшенной ферме по дороге от фермы Бри.

Она обвела территорию взглядом. С точки зрения площади ферма была большой, но ближайший сосед находился по крайней мере в полумиле дальше по дороге. Миз* Браун жила здесь совсем одна? Она ведь была уже немолода. Вдруг она больше не могла содержать ферму? Вдруг попала в аварию или была ранена, вдруг ей требовалась неотложная медицинская помощь?

Бри позвонила миз Браун на стационарный и на мобильный телефон. Когда никто не ответил, оставила сообщения.

* Нейтральное обращение к женщине в англоязычных странах. Ставится перед фамилией женщины, как замужней, так и незамужней — в том случае, если её семейное положение неизвестно или она сознательно подчёркивает своё равноправие с мужчиной.

Мысль о том, что она найдет тело миз Браун, угнетала Бри, и она почти пожалела, что вообще приняла этот вызов. Но остальные были заняты, смена подходила к концу, а ферма была ей как раз по пути домой, так что она согласилась. К тому же после целого дня переговоров о планах ремонта и расширении участка шерифа ей хотелось сбежать из офиса, как заключённому, только что получившему условно-досрочное освобождение. Планы были захватывающими. Они включали в себя раздевалку для новых помощников, новые камеры для заключённых и другие крайне необходимые обновления по всему участку. Но от всей этой бюрократии она ощущала пульсирующую боль между глаз.

И это ещё был только вторник.

Услышав звук приближающегося двигателя, Бри обернулась. Пикап прогрехотал по подъездной дорожке и припарковался рядом с её внедорожником. Из него вылез тощий кривоногий мужчина лет семидесяти, для своего возраста удивительно подвижный. На его тощем теле болтались джинсы и клетчатая рубашка, будто он старался походить на ковбоя из старых фильмов. Его сморщенное лицо напоминало кусок фольги, скомканный и разглаженный обратно.

— Шериф, — он коснулся широких полей своей шляпы, — я Гомер Джонсон с соседней фермы. Это я вас вызвал, — он кивнул в сторону дома. — Проезжал мимо и увидел снаружи коз. Камилла обычно приводит их к четырёх. Цыплята тоже должны быть дома. Она никогда не позволяет им тут ходить, чтоб не сожрали койоты. Я звонил ей, стучал в дверь, но она не отвечает на звонки, и её дверь заперта. Днём она никогда не запирается, — Гомер, казалось, старался предугадать все вопросы.

— Когда вы её видели в последний раз?

Гомер прищурился, глядя на заходящее солнце.

— В прошлое воскресенье, в церкви. Камилла ни одной службы не пропустит, как и я. С тех пор не виделась, и я беспокоюсь. Камилла вдова, и, как и я, она уже в годах. В прошлом году у неё был микроинсульт. Почти всех коз продать пришлось, она их уже не тянула, — он вздохнул. — Жалко её. У меня те же неприятности. Но мне хоть сынишка помогает, и какая-никакая прибыль от этого дела у нас выходит.

— У вас есть ключ от её дома?

— Нет, мэ. Если б был, я бы не стал вас беспокоить.

— Что ж, посмотрим, что происходит, — Бри направилась к передней дорожке. Сухие листья хрустели под сапогами. Хотя начало сентября было ещё тёплым, листья дуба во дворе уже начали сворачиваться и опадать. Зима в северной части штата Нью-Йорк была не за горами.

Гомер последовал за ней. Они поднялись по ступенькам крыльца. Бри остановилась на коврике и постучала в дверь.

— Миз Браун? Это шериф. Пожалуйста, подойдите к двери.

Тишина. Лишь козы во дворе обеспокоенно заблеяли.

— Я же говорю, стучал уже, — заметил Гомер. От волнения морщины вокруг его глаз стали похожи на каньоны.

— У нас есть протокол, и нужно ему следовать, — Бри не могла просто так проникнуть в дом. Входная дверь была из цельного дерева, без стёкол и засова. Чтобы туда проникнуть, требовался таран. Словно прочитав ее мысли, Гомер сказал:

— Никто не ходит через эту дверь.

— Давайте попробуем через чёрный ход, — Бри спустилась по ступенькам и обогнула дом, приподнявшись на цыпочки и по ходу движения заглядывая в окна, но все шторы

были задёрнуты, и лишь в узкие полоски там, где они не до конца сходились, пробивался тусклый свет.

Гомер шагал рядом с ней. Они обогнули задний угол дома и повернулись, чтобы посмотреть на него. Заднее крыльцо было зеркальной копией переднего.

— Она и шторы никогда не задёргивает, — Гомер упёр руки в бока. — По крайней мере, те, что внизу. На этой неделе погода была хорошей. Я и вовсе окон не закрывал.

Бри тоже. Она поднялась по ступенькам заднего крыльца и постучала. Никто не ответил.

— Я собираюсь проверить сарай, — она сбежала по деревянным ступеням, нарастающее беспокойство ускорило ее шаг. Гомер не отставал. Вместе они пересекли заросший сорняками задний двор и прошли мимо открытого курятника. Хорошо откормленные птицы с кудахтаньем разбежались. Козы бегали кругами, блея и топая, когда Бри проходила мимо их загона.

Она подошла к тяжёлым двустворчатым дверям, распахнула одну створку. Большую часть места занимали аппараты для доения, и амбар содержался куда лучше, чем всё остальное. Аппараты стояли на небольшой платформе. Бри заглянула в соседнюю комнату, увидела большие столы из нержавеющей стали и холодильники. Оборудование было немного потёртым, но безупречно чистым.

— Эй? — вновь позвала Бри. — Миз Браун? Это шериф Таггерт.

Козы заблеяли громче, словно пытаясь привлечь ее внимание. Бри отвернулась от пустого амбара и повернулась к ним.

— Они всегда себя так ведут?

— Нет, мэм. Я так понимаю, они голодные, — Гомер потёр подбородок, покрытый седой щетиной. — Может, их и доить пора.

Бри вновь обвела глазами двор. Грязное пастбище было сильно вытоптано, трава скошена до основания.

— Для чего миз Браун козы?

— Продаёт козий сыр и яйца на фермерском рынке и ещё городскому ресторану. Это всё, что у неё осталось. Стыд и срам. Раньше ферма была куда больше.

Крестьяне заботились о своём скоте больше, чем о себе — ведь животные давали им средства к существованию.

— Я мог бы пока подкинуть им сена, — предложил Гомер.

— Спасибо. Вы бы мне очень помогли, — особенно тем, что занялся бы козами, а не попёрся в дом вслед за Бри. Кто знает, что она могла там обнаружить?

— Хорошо, мэм, — он прошёл через открытую дверь амбара к тюкам сена, сложенным на невысокой подставке.

Бри вернулась на заднее крыльцо и осмотрела дверь. В отличие от входной двери, здесь были стеклянные вставки, сквозь которые Бри смогла разглядеть пустую кухню. Там не было засова, лишь простой замок с дверной ручкой, на взлом которого ушло бы тридцать секунд.

Ох уж эта деревенская жизнь.

Она покачала головой, вспоминая ультрасовременную систему сигнализации у себя на ферме. С другой стороны, миз Браун вряд ли подвергалась таким угрозам, как Бри.

Она достала мобильник, позвонила диспетчеру, чтобы сообщить новости.

— К двери никто не подходит, в доме никаких признаков жизни. Скот давно не кормили. Я беспокоюсь, что хозяйке дома плохо или она ранена. Я вынуждена проникнуть в дом.

Не желая разбивать окно или взламывать дверь, если в этом нет крайней необходимости — департаменту ше-

рифа не нужен судебный процесс, если окажется, что с миз Браун всё в порядке и ей просто нездоровится — Бри вынула из кармана небольшой набор инструментов и ловко вскрыла замок, такой старый, что она могла бы вскрыть его и кредитной картой. Она толкнула дверь, и запах гниющей плоти ударил ей в лицо, как кулак.

Пахло разложением.

Желудок Бри скрутило. Миз Браун не дремала и не нуждалась в помощи.

Нет. Этот запах означал, что кто-то — скорее всего, сама миз Браун — умер.